

14 НОЯ 1975

Дали искусства

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ

Петр Ильич ЧАЙКОВСКИЙ

«Я ЕЩЕ не встречал человека, более меня влюбленного в матушку Русь... Я страстно люблю русского человека, русскую речь, русский склад ума, русскую красоту лиц, русские обычаи» — это слова Петра Ильича Чайковского.

Не этой ли неизбывной любовью к России полны все произведения великого русского гения? Его оперы, симфонии, романсы, фортепианные и скрипичные пьесы. Не этой ли любовью пронизаны каждый звук, каждая фраза его Первого концерта для фортепьяно с оркестром, который был исполнен впервые сто лет назад.

Музыку невозможно пере-сказать словами, даже, пожалуй, не всегда можно выразить чувства, которые испытываешь в концертном зале, наедине с музыкой. Но я, наверное, не ошибусь, если назову Первый концерт для фортепьяно с оркестром Чайковского признанием в любви России, гимном ее природе, народу. Быть может, потому так созвучна его музыка тишине русских полей, журчащему шелесту лесов, неспешному течению равнинных рек...

Однако порой то, что позднее зрению потомков представляется самоочевидным, современникам казалось отнюдь не столь бесспорным. И вот ведь как случается: этот концерт, напоенный такой страстной любовью к русской природе, поначалу не был понят даже близкими друзьями Чайковского.

В письме к брату Анатолию 34-летний композитор пишет: «Я теперь весь погружен в сочинение фортепианного концерта. Хочу непременно, чтоб Рубинштейн в своем концерте сыграл его...». Речь идет о Николае Григорьевиче Рубинштейне, замечательном пианисте и музыкальном деятеле XIX столетия, оказавшем такое громадное влияние на становление русской фортепианной школы. Чайковский в то время находился под обаянием личности Рубинштейна, был покорен его могучим исполнительским даром. Вот откуда столь страстное желание создать большое произведение для солирующего фортепьяно, где бы во всю мощь и глубину развернулся необыкновенный исполнительский дар Николая Григорьевича.

Едва был дописан последний такт, еще не готова партитура концерта, а Петр Ильич уже спешит показать фортепианную партию Рубинштейну, го-

ря от нетерпения услышать приговор последнего. И он, этот приговор, оказался очень жесток и, как показало время, несправедлив.

Три года спустя Чайковский опишет этот драматический эпизод из своей творческой биографии в письме верному другу и постоянной корреспондентке Надежде Филаретовне фон Мекк:

«Я вооружился терпением и сыграл до конца. Опять молчание. Я встал и спросил: «Ну, что же?» Тогда из уст Николая Григорьевича полился поток речей, сначала тихий, потом все более и более переходивший в тон Юпитера-громовержца. Оказалось, что концерт мой никуда не годится, что играть его невозможно, что пассажи избыты, неуклюжи и так неловки, что их и поправлять нельзя, что как сочинение это плохо, пошло, что я то украл оттуда-то, а то оттуда-то, что есть только две-три страницы, которые можно оставить, а остальное нужно или бросить, или совершенно переделать... Ну, словом, посторонний человек, попавший бы в эту комнату, мог подумать, что я — маниак; бездарный и ничего не смыслящий писака, пришедший к знаменитому музыканту приставать к нему с своей дребленью... Я был не только удивлен, но и оскорблен всей этой сценой».

Разное тут можно подумать. И то, что Николай Рубинштейн все еще считал Чайковского своим учеником, а потому был глубоко уязвлен, что, сочиняя фортепианную партию, тот не испросил у своего учителя совета, помощи. И то, разумеется, что Чайковский и Рубинштейн были людьми по натуре разными, хоть их и связывала теплая дружба.

В этом концерте Чайковским выстрадан каждый звук, каждая фраза. Наряду с «Пиковой дамой», созданной уже на закате жизни, эта музыка, быть может, наиболее личная из всех творений композитора. А очень личное порой не сразу становится признанным и любимым. Впоследствии Рубинштейн признает свою ошибку и станет одним из блестящих исполнителей Первого концерта, его ревностным пропагандистом. И Чайковский простит своему другу его первоначальное непонимание и откликнется на его смерть трагическим по настроению и музыкальной окраске трио «Памяти великого художника». А сейчас...

Композитор с болью в сердце разрывает титульный лист с посвящением Рубинштейну и шлет уже готовую партитуру концерта известному немецкому пианисту и дирижеру Гансу фон Бюлову, который покорила Чайковского своим искусством во время гастролей в России.

И вот перед композитором лежит письмо от фон Бюлова, и он в который раз, не веря от счастья собственным глазам, перечитывает эти строки:

«...Ваш концерт опус 23... мне представляется самым сверкающим, самым совершенным из произведений Вашего творческого дара, каким Вы до сих пор обогатили музыкальный мир. Это так оригинально по мыслям, нигде не будучи вычурным, так благородно, так сильно, так интересно в деталях, количество которых нигде не нарушает ясности и единства концепции в целом; это так зрело по форме, так

«стильно», — замысел и его выполнение так гармонично соответствуют друг другу, что я утомил бы Вас, перечисляя все достоинства, побуждающие поздравить как автора, так равно и всех призванных наслаждаться, как исполняя, так и воспринимая. Одним словом, это настоящий перл, и Вы заслуживаете благодарности всех пианистов».

Бюлов включил Первый концерт Чайковского в свои гастролы по городам Соединенных Штатов Америки. Успех был огромен. В Бостоне публика неистовствовала от восторга. Финал пришлось повторить. Тот самый финал, где звучит, влетаясь в мелодию оркестра, простая украинская песенка, подслушанная Чайковским в Каменке, в имени сестры Саши:

*Выйди, выйди, ой, Иванку,
Заспавши нам веснянку,
Зимовали не свесали
Весну дожидали.*

К тому времени, как письмо Бюлова дошло до композитора, сотни слушателей успели полюбить это произведение. В ответном письме Чайковский напишет блестящему немецкому пианисту: «Как я бы хотел присутствовать на одном из Ваших концертов и слышать исполнение моего концерта!..».

21 ноября 1875 года Первый концерт Чайковского си-бемоль минор для фортепьяно с оркестром прозвучал в Москве в блистательном исполнении Сергея Ивановича Танеева, ученика Чайковского по классу теории музыки. За дирижерским пультом, между прочим, стоял Николай Рубинштейн. Публика, заполнившая зал Русского музыкального общества, бурно приветствовала и композитора, и исполнителей. Особенный успех выпал на долю Танеева — он удостоился похвалы самого автора. «Если б ты знал, как он великолепно играет мой концерт!» — напишет Петр Ильич в письме к брату Модесту.

С тех пор начинается настоящая сценическая жизнь произведения. Его играют выдающиеся русские пианисты Зилота и Сапельников. Его включает в свои зарубежные гастролы и Николай Рубинштейн. В 1878 году на Всемирной выставке в Париже Рубинштейн дважды исполняет этот концерт под бурные аплодисменты зала. Он сам расскажет об этом композитору, как бы желая заглядеть свою вину перед ним. Однако посвящение останется прежним — Гансу фон Бюлову, первому исполнителю, безошибочно распознавшему гениальность этого творения.

Дальнейшая судьба концерта как бы разворачивается на наших глазах: пять конкурсов имени Чайковского, лейтмотивом которых стал Первый фортепианный концерт композитора, и на гребне его музыки взметнулись миру яркие молодые таланты Клиберна, Огдона, Крайнева... А отправляясь в зарубежные гастролы, советские музыканты почти всегда играют Первый концерт Чайковского под бурные овации французов и американцев, поляков и испанцев, арабов, немцев, японцев, приветствующих таким образом русский народ, Россию, чей образ навсегда запечатлен в этих звуках.

Наталья КАЛИНИНА